

КНИЖНАЯ
ПОЛКА

КНИГА О РУССКОЙ
ЭКОНОМИКО-
МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ
(рецензия на книгу П.Н. Клюкина
«Элементы теории
хозяйственного кругооборота
в трудах российских
экономистов-математиков
конца XIX – первой трети XX вв.»)¹

Р.С. Дзарасов

АКТУАЛЬНОСТЬ РАССМАТРИВАЕМОЙ РАБОТЫ

Несмотря на то что рассматриваемая книга касается вопросов «высокой теории», ее тема очень актуальна в прикладном плане. На злободневность данной работы указывает несколько обстоятельств, касающихся как реальной хозяйственной жизни, так и текущего состояния экономической науки в России и мире. Главным фактом хозяйственной жизни, ставящим проблему воспроизводства или кругооборота, как предпочитает писать автор книги, является развертывающийся в настоящее время *кризис мирового капиталистического хозяйства*. В связи с этим следует отметить несколько обстоятельств.

Во-первых, как будет показано ниже, отношения центра и периферии мирового капитализма определяются, в частности, от-

© Дзарасов Р.С., 2013 г.

¹ *Клюкин П.Н.* Элементы теории хозяйственного кругооборота в трудах российских экономистов-математиков конца XIX – первой трети XX вв. М.: Институт экономики РАН, 2010.

ставанием роста цен периферии от индекса потребительских цен центра. Это основа мирохозяйственных отношений и механизма эксплуатации на мировой арене, порождающего финансовую (замещение производительного капитала финансовым) и кризис. Таким образом, особенно актуальным становится вопрос о кругообороте в мировом хозяйстве и его стоимостных оценках. Как показывает Петр Николаевич, именно эта проблема, рассмотренная с точки зрения абстрактной теории капитализма, и находилась в центре внимания целой плеяды блестящих представителей русской экономико-математической школы рубежа XIX–XX вв.

Во-вторых, кризис мировой экономики обострил противостояние неоклассической и альтернативной (классической) традиций экономической теории. Возвратившись прошедшим летом из длительной научной командировки в США, могу свидетельствовать, что идейная борьба школ и направлений в мировой экономической науке резко усилилась в ходе осмысления текущего мирового кризиса. Возможно, происходит наиболее глубокое изменение соотношения сил внутри мировой науки со времен 1930–1950-х гг. Наблюдается явное оживление альтернативных по отношению к неоклассическому мейнстриму школ, среди которых почетное место занимают последователи Пьеро Сраффы. Последнее направление переживает несомненный подъем, если судить по росту числа публикаций в духе этой традиции, числу посвященных ей секций и многолюдности их аудитории на международных конференциях. Однако российский вклад в это направление малоизвестен за рубежом (и недостаточно изучен в России).

В-третьих, российская экономическая наука нуждается в обретении собственного лица, утраченного в результате поспешного отказа от наследия советской экономической науки и необдуманного принятия неоклассического мейнстрима. По собственному опыту общения с западными коллегами могу подтвердить, что если советскую экономи-

ческую науку они знают по исследованиям планирования, то о существовании современной экономической науки в нашей стране, ее работах и достижениях не имеют никакого представления вообще. В условиях начавшейся переоценки ценностей в мировой науке у россиян появилась возможность вернуться в мировое сообщество ученых. Это невозможно сделать путем ученического комментирования мейнстрима, скомпрометированного ходом последних событий. Подобное возвращение возможно лишь путем развития отечественных традиций, видное место среди которых занимает исследуемая П.Н. Клюкиным российская экономико-математическая школа.

Сегодня это направление позволяет нам сделать вклад в дебаты о природе современного мирового хозяйства, предопределившей его текущий кризис, в дебаты, которые определяют новое лицо мировой науки на многие годы вперед. В этом, на мой взгляд, состоит особое значение рассматриваемой работы.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматриваемая работа выполнена на уровне высоких академических стандартов не только по российским, но и по международным меркам. Думаю, что эту книгу можно было бы смело предложить для публикации во многих научных издательствах не только в России, но и за рубежом. Прежде всего следует сказать о зрелом выборе темы исследования, поднявшего богатый пласт почти неизвестного нам исторического наследия отечественной науки, которому развитие современного мирового хозяйства придало особую актуальность. Исследовательская позиция П.Н. Клюкина отличается не только зрелостью, но и значительной оригинальностью, поскольку вытекает из самостоятельного восприятия сложившихся

подходов, критического отношения к доминирующим в науке стереотипам. Нельзя не отметить неординарную научную эрудицию автора, глубоко вникшего в работы практически всех крупных представителей русской экономико-математической школы в теории кругооборота, модель и книгу «Производство товаров посредством товаров» П. Сраффы (1898–1983), широкий круг источников ряда течений сраффианства (Post-Sraffian School), а также исследователей наследия Маркса, Кенэ, Рикардо и ряда других крупных мыслителей. П.Н. Клюкин свободно пользуется как языком политической экономии, так и средствами экономико-математического подхода. Свидетельством высокой научной культуры автора рассматриваемой работы является его обращение к философии, лежащей в основе некоторых теорий кругооборота. Нельзя не отметить, что в рассматриваемой книге проанализирована литература на русском, английском, немецком, французском и итальянском языках.

НОВИЗНА ПОДНЯТЫХ ПРОБЛЕМ

В книге впервые в отечественной историко-экономической литературе с такой степенью полноты рассмотрена отечественная традиция анализа кругооборота конца XIX – первой трети XX в. Это наследие исследуется на широком фоне истории исследования данной проблемы в мировой экономической мысли. Двумя своеобразными интеллектуальными «зеркалами» для анализа русской традиции выступают теория воспроизводства Маркса и модель Сраффы. Следует особо подчеркнуть, что в то время как на Западе рассматриваемая русская школа трактуется в качестве простой предшественницы модели Сраффы, П.Н. Клюкин показывает ее оригинальность, которая не сводится к повторению вклада Маркса или предвосхищению Сраффы.

Следует особенно отметить анализ наследия отечественного экономиста Г. Харазова (гл. 5), фундаментальные труды которого, опубликованные на немецком языке, до сих пор не изданы на русском и остаются практически неизвестными российскому читателю. Книга П.Н. Клюкина фактически открывает это имя российскому научному сообществу. В работе сформулирован плодотворный метод «возвратной традиции» (с. 12–13), которого придерживались экономисты рассматриваемого направления. Данный подход означает не линейную преемственность между учеными, следующую их хронологической последовательности, а периодическое возобновление наследия прежнего поколения исследователей, которое в свое время не было продолжено. Таким образом, возникает своеобразная цикличность в развитии отдельных направлений исследований. В книге обосновано различие «линии Туган-Барановского» и «линии Дмитриева» в исследовании кругооборота в российской традиции (гл. 3). Изложение данного вопроса возвращает в российскую науку ряд забытых имен (Н.И. Бернштейна и Л.В. Курского) и позволяет по-новому взглянуть на наследие В.И. Борткевича.

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ КНИГИ

П.Н. Клюкин пересматривает понятие кругооборота, трактуя его как макроэкономическую структурную модель народного хозяйства, взятого в целом. С этой точки зрения он исследует модели кругооборота, которые, по его мнению, прошли два этапа: 1) Кенэ – Маркс; 2) после Маркса. Именно на втором этапе проявился значительный вклад российских экономистов-математиков. Начало ему положил Туган-Барановский (гл. 1), попытавшийся осуществить синтез трудовой теории стоимости и теории предельной полезности, а также близко подошедший к разделению

производимых в обществе благ на «базисные» (т.е. входящие в производство всех других товаров) и «небазисные» (т.е. предметы роскоши) товары. П.Н. Клюкин расширяет наши знания о влиянии идей Туган-Барановского, показывая, что его последователем является не один только Н. Кондратьев, но в трактовке кругооборота и В.К. Дмитриев (гл. 2). Последний, несмотря на свое несогласие со многими политико-экономическими идеями Туган-Барановского, по-своему продолжил традицию синтеза двух теорий стоимости. Автор отмечает, что Дмитриев переходит от понятия прибавочной стоимости Маркса к мышлению, по существу, в категориях чистого продукта Кенэ. В контексте исследований по кругообороту важно отметить, что, разработав математическую трактовку теории издержек Рикардо, Дмитриев предложил свою процедуру редукции производственных процессов к одному базисному товару («машине М»).

Эту последнюю линию мышления продолжили Бернштейн и Курский (с. 97–119). В частности, первый обосновал любопытное понятие «круговращающегося продукта» (с. 102), под которым понимается хозяйственное благо, не покидающее производство после своего выпуска, а участвующее в создании других благ. Это еще один вариант «базисного» товара Сраффы. Дальнейший прогресс рассматриваемой традиции связан с именами Н.Н. Шапошникова, критиковавшего теорию процента Бем-Баверка (с. 129–149), и В.И. Борткевича (гл. 4). Последний всесторонне рассмотрел дискуссию по поводу так называемой проблемы трансформации Маркса, т.е. по поводу модели превращения трудовой стоимости в цены производства. Отвергнув критику австрийской школы, Борткевич тем не менее считал, что нашел серьезную непоследовательность в теории Маркса. Осуществив тщательный математический расчет на основе примера Маркса, он показал, что в нем нарушается равенство либо стоимостей и цен производства, либо суммы прибавочной стоимости и прибыли. Борткевич разработал свое

решение проблемы, предложив формулы, выражающие зависимость нормы прибыли от периодов обращения капитала. Петр Николаевич критически анализирует вклад Борткевича, доказывая, что, осуществляя рикардианскую ревизию теории Маркса, он отошел от российской традиции анализа кругооборота, приблизившись к мышлению австрийской школы в терминах линейных (а не круговых) схем производства.

Настоящей жемчужиной рассматриваемой работы является обсуждение вклада Г.А. Харазова (гл. 5), который до сих пор остается практически неизвестен отечественному читателю. В работе показано, что рассматриваемый мыслитель провел тщательную ревизию полемики против теории Маркса со стороны австрийской школы и представителей многих других направлений экономической науки. В книге приведены цитаты, показывающие, что Харазов фактически опирался в своих исследованиях на метод «восхождения от абстрактного к конкретному» (с. 206) и на важнейший методологический принцип двойственного характера труда (с. 208). Вместе с тем, как отмечает автор, Г.А. Харазов отнюдь не ограничился простым комментированием трудов основоположника. Он развил теорию «Капитала», ревизовав некоторые его положения. Целью Г.А. Харазова было создание непротиворечивой модели, способной представить процесс воспроизводства в единстве с его стоимостными аспектами (т.е. представить схемы воспроизводства и процесс трансформации как одно целое).

Г.А. Харазов доказывает, что экономия денег в рациональном капиталистическом хозяйстве фактически сводится к экономии затрат человеческого труда. Делается вывод об отсутствии оснований для возврата Борткевича от Маркса к Рикардо. Для обоснования своего решения проблемы несовпадения стоимостей и цен товаров Харазов разрабатывает модель «рядов производства». Это оригинальный вариант все той же системы «базисных товаров». За основу берется круговая взаи-

мосвязь отраслей. Харазов предлагает выделять в стоимости конечного продукта (товара) величину стоимости капитала, использованного для его производства. Но в стоимости этого капитала тоже можно выделить долю, приходящуюся на произведший его капитал. Таким образом происходит нисхождение по ступенькам рядов производства. Далее демонстрируется, что на каждом этапе этой редукции разница между стоимостью и ценой капитала более глубокого порядка уменьшается. В конце концов Г.А. Харазов приходит к «пракапиталу», стоимость которого совпадает с его ценой. (Читателю, знакомому с теорией Сраффы, эта модель напоминает редукцию средств производства к датированному по времени труду.) В результате данной процедуры Г.А. Харазов приходит к доказательству справедливости превращения трудовой стоимости в цену производства Маркса. Думается, что П.Н. Клюкин совершенно справедливо усматривает в данной модели предвосхищение как модели «затраты – выпуск» Леонтьева, так и «стандартного товара» Сраффы. Сохранение связи трактовок Г.А. Харазова с трудовой теорией стоимости Маркса подтверждает вывод П.Н. Клюкина об оригинальном значении наследия российской школы, а не просто о подготовке почвы для прихода последующих западных теоретиков.

Следующий этап в развитии российской школы кругооборота связан с работами Е.Е. Слуцкого (гл. 6). Это еще одно открытие рассматриваемой книги. Дело в том, что традиционно этот специалист известен как выдающийся математик-статистик. П.Н. Клюкин показывает значительный вклад Е.Е. Слуцкого в политическую экономию. Он разработал свою версию органического синтеза трудовой теории стоимости и теории предельной полезности. Е.Е. Слуцкий подверг резкой критике методологию так называемых окольных путей производства австрийской школы, он рассматривал средства производства как «первичные хозяйственные блага». Автор приходит к выводу, что введенное Е.Е. Слуцким деление на основное и дополнительное

производство соответствует сраффианскому делению на «базисные» и «небазисные» товары.

В работе исследуется также вклад В. Леонтьева (гл. 7). Автор показывает, что его учение возникло в контексте российской традиции кругооборота, и представляет собой развитие данного подхода. Речь идет прежде всего о раннем творчестве В. Леонтьева 1920-х гг. Весь изложенный в книге материал убеждает в том, что сам дискурс российской экономико-математической школы буквально пронизан идеями будущей модели «затраты – выпуск».

Вместе с тем, отмечая многочисленные достоинства книги и высокий уровень проведенного исследования, необходимо обратить внимание и на некоторые положения автора, вызывающие возражения.

ЧИСТЫЙ ПРОДУКТ ИЛИ ПРИБАВОЧНАЯ СТОИМОСТЬ?

Оценивая в целом пути развития российской школы хозяйственного кругооборота, Петр Николаевич отмечает, что «от теории прибавочной стоимости Маркса, положенной в основу его схем общественного воспроизводства, традиция творчески возвращалась к принципу вещественного “чистого продукта”, стремясь преодолеть односторонний принцип определения ценности затратами одного человеческого труда (Туган-Барановский – Харазов – Сраффа). Однако обобщение шло по линии постепенного преодоления самой теории ценности, в направлении явного или неявного выстраивания более общей мыслительной схемы, способной реализовать экономический кругооборот» (с. 13). Это эволюция в сторону сраффианского мышления в категориях «производства товаров посредством товаров». Оно играет в книге важную роль. Ее содержание, однако, свидетельствует о значи-

тельных разногласиях в среде рассматриваемых исследователей. По-видимому, Харазов, например, стремился интегрировать мышление в категориях чистого продукта Кенэ в мышление в понятиях трудовой стоимости. Использование подхода с позиций чистого продукта без трудовой стоимости вызывает ряд вопросов, не проясненных, на мой взгляд, в книге П.Н. Клюкина.

Обобщение «зерновой модели», которой автор уделяет много внимания, позволяет выделить и говорить о принципе «редукции к основанию» (с. 28, 30, 106, 117, 188, 189, 193, 299, 316, 325). Под ним понимается поиск «того производительного блага, к затратам которого могут быть сведены издержки производства всех остальных товаров». Уравнение издержек производства этого блага («машины М» Дмитриева или «пракапитала» Харазова) определяет величину нормы прибыли (r) для производства любого другого товара непосредственно, т.е. не прибегая к уравнениям производства в других отраслях. Редукция к основанию явно призвана заменить поиск общественно необходимых затрат труда как субстанции стоимости. Тем не менее есть основания поставить используемый метод в соответствие с выработкой «аналитических понятий» у Канта, движением мысли «от конкретного к абстрактному» у Гегеля или процедурой «ретродукции» в «критическом реализме» современного философа Роя Баскара (Bhaskar, 1993). Содержанием всех этих методов является отвлечение от второстепенных, поверхностных черт исследуемого явления ради выделения его главных свойств, т.е. речь идет о методе «научной абстракции». Преимуществом гегельянско-марксистского подхода является применение этого принципа не самого по себе, а в рамках системы субординированных понятий, выстроенных по принципу восхождения от абстрактного к конкретному, от простого к сложному, от исходного к производному. На мой взгляд, проблема редукции к основанию дает яркий пример сравнительных преимуществ и недостатков данных методов.

В самом деле Сраффа начинает свой анализ относительных цен с зерновой модели, демонстрируя ее ограниченность. Задавшись целью выявить зависимость цен от распределения доходов, он показывает, что с изменением последнего изменяется и цена самого зерна, выраженная в определенных количествах других товаров. Это не позволяет понять почему – в результате изменения распределения или самого стандарта измерения – цены товаров стали другими. Показав, что динамика цен при изменении распределения зависит от пропорции труда и средств производства (от органического строения капитала Маркса), Сраффа находит «критическую пропорцию», при которой цена остается неизменной, и на ее основе конструирует «стандартный товар». Этот физический составной товар (точнее – чистый продукт стандартной системы) и является неизменной мерой стоимости, позволяющей показать зависимость цен от распределения доходов между социальными классами общества в чистом виде. Считается, и против этого не возражает автор книги, что это простой и наглядный способ выражения данной зависимости, позволивший избежать так называемый осложняющий обход (complicating detour) теории Маркса. Представляется, что данная позиция очень уязвима в нескольких важных аспектах.

На мой взгляд, теория Сраффы и некоторых, близких к ней представителей русской экономико-математической школы является очень оригинальной попыткой построить теорию стоимости (и кругооборота), опирающуюся только на понятие конкретного труда и игнорирующую абстрактный труд. Поскольку конкретный труд предстает в форме, прямо доступной непосредственному восприятию (в отличие от абстрактного труда, доступного только отвлеченному мышлению), то эта теория стоимости представляет собой существенную уступку позитивизму в ущерб диалектическому подходу. Между тем единство качественных и количественных аспектов труда не позволяет разделить в реальности

эти две его стороны. В силу этого Сраффа вынужден «контрабандой» протащить двойственный характер труда в свою теорию. Это проявляется в редукции сложного труда к простому, что предполагает его понимание как однородной субстанции, каковой и является абстрактный труд. Без редукции невозможно исчислить прямые и косвенные затраты труда, затраченного на производство данного товара. А ведь именно от такого исчисления Сраффа отталкивается при объяснении механизма кругооборота. Сначала он отвлекается от существования прибыли, и тогда оказывается, что относительные цены товаров пропорциональны прямым и косвенным затратам труда на их производство. Лишь после этого вводится прибыль, и цены начинают меняться в зависимости от распределения. Достаточно очевидно, что первая ситуация соответствует первому тому «Капитала» Маркса, когда товары продаются по стоимости, а вторая – третьему, когда товары продаются по ценам производства. Кроме того, для выражения стоимостных величин в новой единице измерения стандартный товар переводится в то количество труда, который можно приобрести на него. Это вновь предполагает обращение к однородности абстрактного труда.

Получается, что ни Сраффа, ни те российские экономисты-математики, которые близки к нему в этом вопросе, на самом деле не избежали ни двойственного характера труда, ни «осложняющего обхода» проблемы трансформации. Они просто «обрезали» процесс абстрагирования на каком-то этапе, оставаясь ближе к конкретному уровню и загнав более глубокие пласты мышления в неявные предпосылки. Может быть, это дает выигрыш в наглядности и математической операциональности (как иногда выражаются математики) изложения, но, на мой взгляд, ведет к определенному обеднению анализа, снижению глубины интерпретации реальной экономики. Эту проблему еще раз высветил современный мировой экономический кризис.

МИРОВОЙ КРИЗИС И ТЕОРИЯ КРУГООБОРОТА

Его объяснение сторонниками мейнстрима часто сводится к неурядицам в финансовой сфере (неконтролируемый рост задолженности всех видов, недостаток регулирования финансовых спекуляций, распространение деривативов и т.д.). Между тем сама финансовализация экономики явилась результатом перенакопления капитала в реальном секторе мировой экономики. Именно долгосрочное падение прибыли производственных корпораций развитых стран крупный капитал попытался компенсировать, перетекая в сферу финансовых спекуляций и перенося производство в регионы мира с дешевым трудом (Greider, 1998). Таким образом, процессы абстрактного труда (финансовализация) могут быть поняты только в свете процессов конкретного труда (перенакопление в реальном секторе) (Ivanova, 2012). Более того, само перенакопление капитала является относительным и усиливается индустриализацией мировой периферии. Низкая зарплата при масштабном развитии производства в мире порождает проблему реализации в мировом масштабе, кладя конец доминирующей форме развития капитализма, а следовательно, и современной форме неоклассического мейнстрима.

В этих условиях глобальный конфликт труда и капитала в современной его форме становится центральной проблемой экономического анализа. Вот почему так важно исследование стоимостных аспектов кругооборота в масштабах мирового хозяйства. В самом сраффианском подходе, однако, проблема эксплуатации не выступает так наглядно, как в трудовой теории стоимости. В модели Сраффы «излишек» составляет чистый продукт системы в целом, который распределяется между отраслями в соответствии с относительными ценами товаров. О роли взаимоотношений классов здесь нужно догадываться по указанной выше связи цен с пропорцией

труда к средствам производства. В теории Маркса, напротив, отношения эксплуатации на макроэкономическом уровне выступают ясно, так как прибавочная стоимость создается пропорционально труду до образования цен производства, в связи с чем становится наглядным перераспределение фонда прибавочной стоимости для образования прибыли пропорционально капиталу. На мой взгляд, именно это несовпадение трудовых стоимостей и цен производства является главным аналитическим инструментом, позволяющим проникнуть в сущность современного мирового хозяйства. В самом деле, не потому ли производство переносится в регионы с избытком дешевого труда, что прибавочная стоимость создается по труду, и не потому ли относительные цены Сраффы растут именно в пользу стран центра мирового капитализма (Milberg, 2008), что прибавочная стоимость присваивается по капиталу? Отказываясь от трудовой стоимости и так называемого обходящего обхода (т.е. несовпадения трудовых стоимостей и цен производства), экономическая наука лишает себя способности постичь природу мирового экономического кризиса.

Можно сделать вывод, что если бы П.Н. Клюкин использовал концепцию двойственного характера труда, то его анализ теорий кругооборота стал бы полнее. Впрочем, высказанные соображения касаются спорных вопросов, не решенных до конца в экономической науке. Автор имеет полное право на собственное мнение по затронутым проблемам и, несомненно, делает заметный вклад в их прояснение. В связи с этим хочется настоятельно рекомендовать эту книгу широкому кругу читателей – от экономистов-математиков и специалистов по теории экономического роста, до политэкономов, специалистов по мировому хозяйству и, конечно же, историков экономической мысли.

Литература

- Bhaskar R.* Dialectic: the Pulse of Freedom. L.: Verso, 1993.
- Greider W.* One World, Ready or Not: the Manic Logic of Global Capitalism. N.Y.: Simon & Schuster, 1998.
- Ivanova M.* Marx, Minsky and the Great Recession // Review of Radical Political Economics/ 2012. June 1.
- Milberg W.* Shifting Sources and Uses of Profits: Sustaining U.S. Financialization with Global Value Chains // Economy and Society. 2008. № 37 (3). P. 420–451.